
УДК: 82.0

DOI: 10.31249/lit/2024.03.02

ЛОЗИНСКАЯ Е.В.¹ ПОЭЗИЯ И ТЕОЛОГИЯ ОТ МУССАТО ДО КРОЧЕ: К ИСТОРИИ ПОЭТОЛОГИЧЕСКОГО ТОПА

Аннотация. В статье прослеживается история одного из поэтологических топов – мыслительной схемы, в которой поэзия соплагается с теологией или противоплагается ей. Эта мыслительная схема присутствовала в том или ином виде на протяжении всей истории итальянской литературно-критической мысли. Одни теоретики склонялись к тому, что поэзия – это «вторая теология» или по крайней мере обладает равным достоинством и равной способностью к прозрению высших истин, другие, напротив, подчеркивали различие между этими двумя видами дискурсивной деятельности. При этом некоторые из них (Фома Аквинский, Савонарола и др.) отмечали «недостаток истины» в поэтическом творчестве, но более поздние авторы (от Беттинелли до Кроче) акцентировали ущербность теологического содержания в поэзии, противоречие между теологическим, теоретическим восприятием мира и поэтическим лирическим чувством, «интуицией» и т.п. В статье выдвигается тезис, что в итальянской теоретической мысли то или иное решение вопроса о соотношении поэзии и теологии связано с концепцией интенциональности поэтического творчества. Рассмотрены также смежные поэтологические топы и топосы: «истина под покрывалом вымысла», поэты-теологи, первоопыты, божественная инспирация поэта.

Ключевые слова: поэтологические топы и топосы; defectus veritatis; prisca poetae; одержимость; сон; рациональность; лириче-

¹ Лозинская Евгения Валентиновна – старший научный сотрудник отдела литературоведения ИНИОН РАН; jane.lozinsky@gmail.com

***Поэзия и теология от Муссато до Кроче:
к истории поэтологического топа***

ская интуиция; теологический роман; Фома Аквинский; Муссато; Кроче; Данте; Фичино; делла Фонте; Беттинелли.

Для цитирования: Лозинская Е.В. Поэзия и теология от Муссато до Кроче : к истории поэтологического топа // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение. – 2024. – № 3. – С. 22–30. – DOI: 10.31249/lit/2024.03.02

LOZINSKAYA E.V.¹ Poetry and theology from Mussato to Croce: towards the history of poetological topos

Abstract. The article traces the history of one of the poetological topoi, a thought scheme in which poetry is juxtaposed with or opposed to theology. This thought pattern has been present in one form or another throughout the history of Italian literary criticism. Some theorists tended to believe that poetry was a “second theology,” or at least had equal dignity and equal capacity for the looking into the higher truths; others, on the contrary, emphasized the distinction between these two kinds of discursive activity. Some of them (Thomas Aquinas, Savonarola, etc.) found the “lack of truth” in poetic work, but later authors (from Bettinelli to Croce) emphasized the inadequateness of theological content in poetry, the contradiction between theological, theoretical perception of the world and poetic lyrical feeling, “intuition,” etc. The article puts forward the thesis that in Italian theoretical thought one or another solution of the question of the correlation between poetry and theology is connected with the concept of intensionality of poetic creativity. Related poetological topoi and topos are also considered: “truth under the veil of fiction”, poets-theologians, primordial poets, divine inspiration of the poet.

Keywords: poetological topoi; defectus veritatis; prisca poetae; frenzy; dream; rationality; lyrical intuition; theological romance; Thomas Aquinas; Mussato; Croce; Dante; Ficino; della Fonte; Bettinelli.

To cite this article: Lozinskaya, Evgeniya V. “Poetry and theology from Mussato to Croce: towards the history of poetological topos”, Social sciences

¹ **Lozinskaya Evgeniya Valentinovna** – Senior Researcher at the Department of Literary Studies, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; jane.lozinsky@gmail.com

and humanities. Domestic and foreign literature. Series 7: Literary studies, no. 3, 2024, pp. 22–30. DOI: 10.31249/lit/2024.03.02 (In Russian)

В начале XIV в. Альбертино Муссато построил свои поэтологические послания вокруг идеи о том, что поэзия – это вторая теология (Ер. 7: 21–22) [Mussato, 2020, p. 351]. В начале XX в. Бенедетто Кроче разграничил и противопоставил в «Комедии» Данте «лирическое начало» и «теологический роман», первое мыслилось как воплощение собственно «поэзии», второй – антипоэтической «структуры» [Croce, 1921]. Было ли это различие между позициями двух великих теоретиков поэзии следствием их индивидуальных особенностей или отражением исторической эволюции итальянской поэтологической мысли? И вообще – принадлежат ли Муссато и Кроче единой поэтологической традиции?

При изучении истории поэтик в первую очередь обращают на себя внимание бесчисленные совпадения формулировок и мыслительных схем, воспроизводящихся в разных, часто далеких от первоначального, контекстах и с разными целями, но вместе с тем составляющих структуру – «одновременно устойчивую и вариативную» [Махов, 2010, с. 10]. А.Е. Махов предложил называть конститутивные элементы этой структуры поэтологическими топосами, а историю поэтики мыслить как своего рода их «*ars combinatorica*» [Махов, 2010, с. 72]. Развивая идеи Махова, я предложила разграничить собственно *топосы* в курциусовском понимании (конкретные образы и формулировки) с мыслительными схемами, воплощающими собой устойчивую теоретическую перспективу, способ взглянуть на поэзию, и которые я назвала поэтологическими *топами*, отсылая к исходному аристотелевскому пониманию термина [Лозинская, 2022]. Поэтологический топ (мыслительная схема) порождает целое множество поэтологических топосов (повторяющихся поэтологических образов и идей).

В настоящей статье будет сделана попытка проследить судьбу отдельного поэтологического топа, т.е. общей мыслительной схемы, в рамках которой поэзия соплагается или противопоставляется теологии, а также показать, в каких конкретных поэтологических топосах она реализуется и к каким поэтологическим выводам приводит.

Само сопоставление поэзии и теологии в отчетливом теоретическом виде мы находим впервые у Фомы Аквинского (впервые –

с некоторыми оговорками, разумеется). С одной стороны, поэзия противопоставлена теологии, поскольку в ней имеется некий недостаток истины (*defectus veritatis*) [прив. по: Эко, 2003, с. 101]. С другой стороны, св. Фома обращает внимание на то, что и поэзия и теология используют иносказания, аллегории, но поэтические их разновидности обладают только буквальным смыслом, а теологические – помимо смысла буквального, также комплексом смыслов духовных (*sensus spiritualis*). Может показаться странным утверждение, что некоторые аллегории обладают только буквальным смыслом. Однако следует понимать, что именно Фома вкладывает в этот термин. Буквальный смысл – это тот смысл *quem auctor intendit* (то, что намеревается сказать автор) [прив. по: Эко, 2003, с. 104]. В поэзии смысл в иносказательные выражения вкладывается автором и толкуется читателем исходя из правил риторики. Так, например, если Беатриче означает собой теологию, а св. Лючия – благодать просвещающую, эта связь между означающим и означаемым определяется намерением Данте. Высшие, или духовные, смыслы появляются тогда, когда в тексте можно обнаружить значения, которые сам автор не имел в виду, когда он рассказывал о событиях, не зная, что эти события предусмотрены Богом как знаки чего-то иного (скажем, жертвоприношение Исаака как образ крестной жертвы Христа).

С этим рассуждением обычно связывается оппозиция аллегории *in verbis* и *in factis*, а также концепция многосмысленного толкования, но не менее важно подчеркнуть другой его аспект – вопрос об интенциональности. Смысл текста применительно к Писанию – результат Божественного Откровения, и автор выступает прежде всего как его проводник. Между тем поэзия, как и любое другое искусство, согласно св. Фоме, «изобретено старанием человека» [цит. по: Эко, 2003, с. 104], оно продукт его целенаправленной дискурсивной деятельности, именно поэтому в нем может скрываться только буквальный смысл. Таким образом, школьный вопрос «что хотел сказать автор» является сущностным для поэзии, определяет особенности поэтического смыслопорождения.

Именно в этом контексте следует рассматривать теории поэзии, противоположные томистским представлениям, но находящиеся в рамках того же поэтологического топa, той же рамки или оптики для рассуждений о поэзии. Наиболее яркое воплощение эта

позиция нашла в посланиях Альбертино Муссато, где поэзия не противопоставляется теологии, а почти отождествляется с ней. Это касается, с одной стороны, содержания поэзии: «Муза посредством мистических речений учит тем же основам, о которых говорится в Книге Бытия простыми словами» (*Que Genesis planis memorat primordia verbis, nigmatum maiori mystica musa docet*) (Ep. 4:47–48) [Mussato, 2020, p. 198]. И здесь стоит отметить, что не прямое выражение высших смыслов представляется элементом поэтического дискурса, а не Писания. С другой стороны, Муссато подчеркивает особую роль поэтов как избранников Небес, исполняющих их волю (*Divini per secula prisca poete // esse pium celis edocuisse Deum*) (Ep. 7:15–16) [Mussato, 2020, p. 351].

В античной поэзии Муссато ищет своего рода аллегории *in factis*, устанавливая соответствие между событиями, описанными в Ветхом Завете и у древних поэтов (например, война между Зевсом и титанами и строительство Вавилонской башни). Сама эта идея не нова, но «в отличие от более ранних христианских защит поэзии, Муссато в своих параллелях доходит почти до отрицания исключительности христианского Откровения» [Witt, 2015, p. 451]. Если Тертуллиан или Лактанций исходили из представления о знакомстве античных поэтов с Ветхим Заветом, Муссато видит причину этих аналогий в божественной инспирации. Поэт не может полностью осознавать, что именно он говорит; смысл произведения определяется не только и не столько его намерением, сколько первоначальным агентом инспирации. Это находит воплощение в формуле: поэты были сосудами божества (*vas erat ille dei*) и поэтому их стали называть *vates* – пророками (Ep. 7:19–20) [Mussato, 2020, p. 351].

В неоплатонических теориях, организованных вокруг топоса божественной инспирации поэтов и связанной с ней идеи отсутствия у них собственной интенциональности, поэзия мыслилась не как рациональная деятельность, а уподоблялась иным состояниям сознания – в первую очередь сну, как в «Акции» Понтано, или выходу души за пределы тела в результате медитаций, как у Фичино. Благодаря тому, что поэт пребывает в этом состоянии, он и получает доступ к высшим истинам.

Противоположная тенденция – рассматривать и поэзию, и теологию как рациональную деятельность – сводила теологиче-

ские истины к некоторому комплексу знаний, которые поэт приобрел в процессе своего обучения, а потом отразил в своем творчестве. Эта линия рассуждений приведет к идее поэта – не пророка, а полимата, и в конечном счете – к отрицанию собственно теологического содержания поэзии. Началось все с секуляризации и рационализации первопоэтов. Это явление заметно уже в конце XV в. в «Поэтике» Бартоломео делла Фонте [Trinkaus, 1966]. В его представлении первопоэты осуществляли связь с божественным, но не вследствие одержимости или «тайного единобожия древних поэтов», а потому что поэтические жанры имели сакральную функцию: лирика прославляла богов и героев, элегия оплакивала мертвых и т.д. Делла Фонте особо подчеркивает не мистичность, а энциклопедичность знаний, которыми обладали и обладают поэты, и именно ею объясняет кажущуюся темноту и запутанность поэтического языка. Поэты не стремятся к сложности; ее причина – в том, что понимание их творений требует большого объема знаний.

Если делла Фонте в первопоэтах видит модель поэтов вообще, то Джован Марио Крешимбени в начале XVIII в. проводит разграничение между поэтами ранними и поздними: первопоэты выражали в аллегорических формах мистические истины, недоступные тогда людям в каком-либо ином виде. Теперь же, когда эти истины, благодаря распространению просвещения, могут быть объяснены средствами разума, следование примеру первых поэтов становится бессмысленным занятием [Crescimbeni, 1712, p. 58]. Отсюда уже недалеко до прямого осуждения аллегоризма, теологического содержания и энциклопедической учености в поэзии, нашедшего выражение в «Вергилиевых письмах» Саверио Беттинелли. Беттинелли порицает «Комедию» Данте, выводит ее за рамки поэзии именно на этом основании [Bettinelli, 1930, p. 10–11].

Можно ли вписать в эту поэтологическую традицию теорию Кроче – по крайней мере, в том, что касается итальянского поэтологического топа «поэзия и теология»? Одним из ключевых моментов эстетики Кроче стала идея о том, что поэзия и другие искусства – суть выражения «интуиции», особой формы познания, противопоставленной его логической форме, с концептами и силлогизмами. В основе искусства лежит интуиция как «познание индивидуального». Одновременно с этим у Кроче отсутствует разграничение между формой и содержанием такого познания. Каждая

интуиция или каждое подлинное представление есть в то же время и выражение. Поэзия – не что иное, как совокупность «удавшихся выражений» [Cantillo, 2013, p. 61–62].

На первый взгляд, подобная поэтика может быть соотнесена с поэтологическим топом *поэзия и теология* лишь в негативном смысле. Кроче утверждает несовместимость поэзии и аллегории, и – шире – так называемой структуры, к которой относит все аллегорическое, теологическое содержание «Комедии». Это разграничение нашло выражение в одном из самых цитируемых отрывков из его книги «Поэзия Данте» [Croce, 1921], в которой теоретическая эстетика философа воплотилась в практическом анализе поэмы. Кроче пишет о фигуре Беатриче, появляющейся в последних песнях Чистилища и в Рае, где она «аллегорически должна быть всем тем, что Данте хотел нафантазировать и его толкователи нафантазировали (Теологией, Откровением, действующим интеллектом и так далее), но которая, несмотря на нагромождение подобных наименований, в поэзии просто – женщина, которую прежде любили, а теперь она счастлива и прославлена, и одновременно благоволит и помогает тому, кто ее издавна любил» [Croce, 1921, p. 22]. С одной стороны, казалось бы, Кроче поддерживает идею о наличии в поэзии лишь буквального смысла. С другой стороны, этот смысл не продукт рациональной авторской интенции, он выражает непосредственное чувство поэта, Кроче отвергает значимость рациональной интенции автора, – «то, что Данте хотел нафантазировать».

Однако это не является отрицанием теологического смысла поэмы, хотя он получает выражение не в аллегорической, иносказательной и рациональной форме, а в форме лирической интуиции. Анализируя завершающие моменты второй и третьей частей «Комедии». Кроче показывает, как буквальный, т.е. собственно поэтический смысл образов сближается с доктринальным, а аллегория «преобразуется полностью в образы», практически уничтожаясь как аллегория *per se*. Например, при появлении «жены, облеченной в белое» в конце Чистилища ключевым компонентом становится «чувство поэта, который видит, как перед его глазами разворачиваются образы, полные мистического значения, к которому приучили Библия и христианское искусство» [Croce, 1921, p. 130]. Именно в этом чувстве – поэзия, которая не служит аллегории, но на ней основывается и ею пользуется.

И все же в Рае, по мере приближения к Богу, то чувство, что испытывает и наблюдает поэт, становится все более и более не поддающимся выражению, отсюда ограниченность дантовских образов в завершающих песнях Рая, поэт «сокращает свою палитру до одного цвета, который может различаться лишь по интенсивности» [Гросе, 1921, р. 143]. Та беспредельная радость, которая одновременно есть свет Рая, «не позволяет себя изобразить и даже помыслить» [Гросе, 1921, р. 142]. Поэзия Рая поэтому «возникает из борьбы против конститутивного предела, порожденного контрастом между бесконечностью интенции и конечностью репрезентации» [Cantillo, 2013, р. 71]. И поэтому поэзия «Рая» в известном смысле дефектна, фантазия не способна воссоздать невыразимое, передать его, не уклоняясь в перспективу интеллекта, в абстрактные концепты. Это возвращает нас к исходному моменту нашего повествования – к томистской концепции недостатка истины (*defectus veritatis*).

По сути дела, Кроче принадлежит к итальянской поэтологической традиции, но не потому что использует ее поэтологические топосы, а потому что чувствует напряжение, существующее между поэзией как воплощением поэтической интенции и теологической истиной: поэзия как выражение не может выразить невыразимое. Но именно существование такого напряжения привело к возникновению поэтологического топоса, мыслительной схемы, сопоставляющей поэзию и теологию.

Однако это напряжение между теологией и поэзией было снято позднее в неотомизме, притом самым парадоксальным образом. Жак Маритен видит общность целей теологов и поэтов в том, чтобы показать, что физический, обыденный мир пронизан *claritas* и *consonantia*, материальное принципиальным образом открыто в то, что превосходит его и является основой, имманентное является путем к трансцендентному. Истинное искусство, по Маритену, всегда неполно, поскольку не может достичь того совершенного видения, которого ищет, в нем всегда есть тот род несовершенства, которым «бесконечное уязвляет конечные сущие» [Маритен, 2004, с. 160]. Однако именно здесь он обнаруживает не различие, а сходство между теологами и поэтами: и те и другие неизбежно подходят к тому пределу, когда любые слова терпят поражение, видение настолько превосходит выражение, что только признание

собственной неудачи становится единственным способом выразить это видение.

Список литературы

1. Лозинская Е.В. Поэтологические топосы, или Академическое воспоминание в неакадемическом стиле // «В ответ на лучшие дары» : венок к 63-му дню рождения Александра Евгеньевича Махова / сост., авт. предисловия Алиса Львова; общ. ред. О.Л. Довгий, А. Львовой. – Тула : Аквариус, 2022. – С. 95–105.
2. *Маритен Ж.* Творческая интуиция в искусстве и поэзии / пер. с франц.; переводчик – В.П. Гайдамака. – Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 400 с.
3. *Махов А.Е.* Европейская поэтика : темы и вариации // Европейская поэтика от Античности до эпохи Просвещения. – Москва : Издательство Кулагиной : Интрада, 2010. – С. 7–72.
4. *Эко У.* Искусство и красота в средневековой эстетике. – Санкт-Петербург : Алетея, 2003. – 256 с.
5. *Bettinelli S.* Lettere virgiliane e inglesi e altri scritti critici / a cura di Alfieri V.E. – Bari : Gius. Laterza & figli, 1930. – 334 p.
6. *Cantillo G.* «Leggere Dante “da solo a solo”». Note in margine a *La poesia di Dante* // *Bollettino filosofico*. – 2013. – Vol. 28. – P. 59–72. DOI: 10.6093/1593–7178/2134
7. *Crescimbeni G.M.* La bellezza della volgar poesia. – Roma : Per Antonio de’ Rossi alla piazza di Ceri, 1712. – 229 p.
8. *Croce B.* La poesia di Dante. – Bari : G. Laterza, 1921. – 228 p.
9. *Mussato A.* Epistole metriche / ed. crit. a cura di L. Lombardo. – Venezia : Edizioni Ca’ Foscari, 2020. – 416 p.
10. *Trinkaus C.* The unknown Quattrocento poetics of Bartolommeo della Fonte // *Studies in the Renaissance*. – 1966. – Vol. 13. – P. 40–122.
11. *Witt R.G.* Coluccio Salutati and the conception of the poeta theologus in the fourteenth century // *Renaissance quarterly*. – 1997. – Vol. 30. – P. 538–563.
12. *Witt R.G.* The poeta-theologus from Mussato to Landino // *The European legacy*. – 2015. – Vol. 20, N 5. – P. 450–461.